

Н. Д. АРУТЮНОВА

О НОМИНАТИВНОМ АСПЕКТЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Грамматические исследования последних десятилетий отмечены общим интересом к синтаксической семантике. В теоретическом плане семантизации синтаксиса содействовала семиотическая трактовка предложения, восходящая к идеям Э. Бейссанса и Л. Прието. В концепции этих ученых полным языковым знаком (семой, по Бейссансу) является не слово или морфема, а высказывание (соответственно предложение), т. е. отнесенная к реальности единица, обладающая денотативным содержанием и представляющая собой законченный продукт семиозиса¹. Семиотическая теория в этой своей версии перекликается с некоторыми идеями логической семантики, в которой атомистический подход к предложению как сумме отдельных номинаций (слов и словосочетаний) уступает место анализу предложения как целостного наименования события или ситуации.

Практическим стимулом к изучению предложения в номинативном аспекте (т. е. по отношению к обозначаемому факту) явилась постановка задач машинного перевода, придающих первостепенное значение выявлению содержащейся в предложении семантической информации. Этому же содействовали сопоставительные исследования параллельных разноязычных текстов, а также создание порождающих грамматик, в частности, моделей трансформационного типа, опирающихся на понятие семантической эквивалентности.

Сущность тех изменений, которые произошли в синтаксических исследованиях, может быть определена следующим образом. Если в «классическом» синтаксисе изучалось в первую очередь отношение синтаксических единиц к логической структуре мышления, в которой ученые стремились обнаружить не только основное содержание, но и общую структурную модель предложения, то сторонники семантического синтаксиса обращают больше внимания на отношение предложения к обозначаемой им ситуации (референту, денотату), в которой они склонны искать как содержание, так и структурную модель единиц синтаксиса. Универсальность синтаксических функций в противовес национальной специфичности морфологических форм (идея, на которой столь категорически настаивал в начале 30-х годов В. Брендаль²) обосновывается теперь не только и не столько общечеловеческими законами мышления и процесса коммуникации, сколько аналогичностью человеческой деятельности. Мысль о всеобщности обозначаемых в языке ситуаций стала основой сопоставительных и типологических исследований в области синтаксиса, ведущихся путем сравнения структуры разноязычных предложений со структурой обозначаемого ими одного факта, получающего определенную семантическую репрезентацию.

¹ Эта концепция четко изложена в статье: В. Г. Г а к, О двух типах знаков в языке (высказывание и слово), в кн.: «Материалы к конференции „Язык как знаковая система особого рода“», М., 1967.

² V. B r e n d a l, L'autonomie de la syntaxe, в кн.: V. B r a n d a l, Essais de linguistique générale, Copenhague, 1943.

При изучении предложений большое место стало отводиться семантической специфике реализованных в них слов, различным типам референции, пресуппозиции предложений, смысловому взаимодействию их элементов, в частности, проблеме смысловой доминанты предложения, значению синтаксических отношений, семантической субкатегоризации слов в связи с ограничениями, налагаемыми на их сочетаемость (в особенности существенна здесь семантическая классификация предикатов), синтаксической неоднозначности, способам номинализации предложений, семантическим отношениям между предложениями и др.

Таким образом в центре ряда современных синтаксических исследований по причинам их теоретической ориентации, либо вследствие их определенной практической нацеленности оказалась номинативная функция предложения, т. е. его способность обозначать событие.

В современной версии теории глубинных структур номинативный аспект предложения противопоставляется его модальному компоненту. «В основной структуре предложения, — пишет в этой связи Ч. Филлмор, — мы обнаруживаем то, что можно назвать «пропозицией», т. е. вневременной набор отношений между глаголами и именами (а также вставными предложениями, если они имеются), отделенный от модального конституента предложения. Этот последний включает такие свойства, характеризующие все предложение в целом, как отрицание, время, наклонение и вид»³. Первое правило представления структуры предложения, в отличие от сложившейся в трансформационной грамматике традиции, Ч. Филлмор формулирует следующим образом: Предложение $\rightarrow$ Модальность + Пропозиция (или $S \rightarrow M + P$).

Аналогичный подход к предложению обосновывается и Г. Бреклом, который предлагает ввести в теорию порождающих грамматик понятие «пропозиционального концепта». Под последним имеется в виду конструкция, репрезентирующая реляционное ядро предложения, очищенное от категорий модальности. Моделирование «пропозиционального концепта» должно предшествовать порождению предложения как коммуникативной единицы. Пропозиция, или «пропозициональный концепт», изображается в виде формулы, построенной из символов, представляющих фундаментальные семантические категории⁴.

Итак, в фокус внимания ряда синтаксических теорий попал тот аспект предложения, который называют семантическим, денотативным, когнитивным или номинативным. В дальнейшем изложении к назывной функции, выполняемой предложением, будет применяться термин «пропозитивная номинация», а номинативная функция слова (прежде всего существительного) будет условно обозначаться термином лексическая номинация.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что в общую теорию номинации (ономатологию), наряду с разделом лексикологии, трактующим наименование отдельных элементов внешнего и внутреннего опыта человека, входит раздел синтаксиса, изучающий способы обозначения событий.

1. Если предложение, подобно слову и словосочетанию, называет некоторый фрагмент действительности, то естественно поставить вопрос об однородности номинативной функции, выполняемой словом, и номинативной функции, выполняемой предложением. Для того, чтобы ответить на

³ Ch. Fillmore, The case for case, в кн.: *Universals in linguistic theory*, New York, 1968, стр. 23. К слову «вид» автор делает сноску, оговаривающую отнесенность категории вида не к целому предложению, а только к глаголу.

⁴ H. E. Grekle, *Generative semantics vs. deep syntax*, в кн.: *Studies in syntax and semantics*, Dordrecht, 1969, стр. 83—85.

этот вопрос, необходимо прежде всего определить, в чем состоит своеобразие пропозитивной номинации.

Выясняя специфику назывной функции предложения, следует иметь в виду, что его номинативный состав не соединен обязательной связью с механизмом актуализации, соотносящим номинацию с реальным событием. Предложение может утрачивать свои свойства отдельного сообщения, но его назывная функция сохраняется. В достаточно очевидной форме это явление можно наблюдать при транспозиции предложения в зависимую синтаксическую конструкцию.

Ср. *Друзья встретились после войны* → *Послевоенная встреча друзей (была радостной)*. Предложение, транспонированное в именную позицию, лишается коммуникативной автономности, в нем стерта расчлененность на тему и сообщаемое (рему), оно утрачивает модальность, но его номинативное содержание остается прежним. То, что было выше названо пропозитивной номинацией, есть, следовательно, свойство не только предложения, но и некоторых словосочетаний (трансформов предложения). Специфику пропозитивной номинации нужно, по-видимому, искать в том общем, что можно обнаружить в семантической структуре предложения и транспонированных конструкций.

Сравним следующие предложения с их трансформами: *Мальчик читает книгу* → *чтение книги мальчиком*; *Ее глаза лучезарны* → *лучезарность ее глаз*; *Ямщик едет быстро* → *быстрая езда ямщика*. Та структурная черта, которая дает основание для семантического сближения сравниваемых конструкций, состоит в общности их ядерного элемента. В процессе транспозиции центральный элемент предложения как коммуникативной единицы — его сказуемое — преобразуется в номинативное ядро словосочетания⁵. Коммуникативная характеристика предложения, закрепленная в его грамматическом оформлении, оказывается, таким образом, безразличной для сущности пропозитивной номинации. Можно было бы, по-видимому, утверждать, что коммуникативная структура предложения — выделенность в нем «сообщаемого» — воздействует на его номинативную структуру так, что коммуникативный центр становится одновременно стержнем номинации. Поскольку сказуемым (шире, ремой) предложения обозначается относимый к предмету признак (качество, свойство или действие), то и субстантивированная конструкция, семантически эквивалентная предложению, именует свойство или действие. Денотатом предложения, следовательно, в отличие от денотата слова, в принципе не может быть «вещь». Если под денотатом понимать только конкретный предмет (как это иногда делается в логической семантике), то предложение, рассматриваемое с ономотологической точки зрения, вообще лишено денотативной отнесенности, обладая, как и абстрактные имена, «нулевой сферой применимости». В этом смысле номинация события может быть с наибольшей резкостью противопоставлена номинации предмета, представляющей собой первичную семантическую функцию существительных.

⁵ Под номинативным ядром словосочетания имеется в виду слово, обозначающее тот семантический разряд, к которому принадлежит значение всей конструкции. Номинативное ядро не всегда совпадает с синтаксическим центром сочетания. В сочетаниях типа *кило хлеба*, *бокал вина* синтаксически главный элемент — *кило*, *бокал* — не совпадает с номинативным ядром, поскольку значение конструкции относится к тому семантическому разряду, к которому принадлежит значение существительных *хлеб*, *вино*. Ср. *выпил бокал вина* = «выпил вино», *съел кило хлеба* = «съел хлеб». Впрочем в ином употреблении синтаксический центр может совмещаться с ядром номинации. Ср. *опрокинул бокал вина* = «опрокинул бокал». Сочетания типа *кило хлеба* не могут рассматриваться как номинативные эквиваленты предложений типа *Хлеба — кило*. В семантическом плане они аналогичны таким конструкциям, как *голубое небо*, но не *голубизна неба*.

Это различие в типе номинации с особенной определенностью выявляется при сравнении существительных с субстантивными предложениями, образованными на их основе.

Предикация существительных, их отнесение в реальный план не только придает им коммуникативную значимость, но влечет за собой коренное преобразование их номинативной природы. В этом убеждает, в частности, то обстоятельство, что обратная трансформация назывных предложений в «непредикативное состояние» не имеет своим результатом возвращение к исходному номинативному материалу. Назывное предложение *Глупец!*, обращенное к собеседнику, семантически соответствует сочетаниям *твоя глупость; то, что ты глуп; то, что ты глупец*. Это же утверждение верно не только для «обзывных» предложений, созданных на базе имен носителей качества, но и для любых именных предложений, даже самого конкретно-предметного значения. Ср. *Ножницы!* — *То, что это ножницы (несомненно)*.

Таким образом, непосредственно называя предмет, номинативное предложение лишается конкретно-предметного значения. Преобразуясь в предложение, существительное из имени предмета становится именем его свойств. При прямом отнесении к денотату оно перестает быть знаковым заместителем вещи.

Абстрактный (непредметный) характер значения предиктируемого слова, как известно, отмечался в грамматиках, ориентированных на логическую модель предложения. В них обычно противопоставлялась предметность (субстантивность) подлежащего отвлеченности (атрибутивности) сказуемого. Признак семантической отвлеченности приписывался части, хотя и важнейшей, предложения, но не его общему номинативному значению.

Сходную точку зрения можно обнаружить и у лингвистов, отошедших от чисто логической интерпретации синтаксических категорий. Так, например, А. Гардинер, одним из первых выдвинувший проблему денотативного содержания высказывания, его отношения к реалиям внешнего мира и внутреннего опыта человека (*things-meant*), характеризуя значение актуального предиката предложения, определяет его в абстрактных формулах. Предикат *tree* Гардинер определяет как *the treeness* или *the being-tree*. Значение предикативно употребленных слов *gold, there, fell to the ground* раскрывается им как соответственно *a case of being-gold, a case of being-there и a case of having-fallen-to-the-ground*.⁶ Расчлененность предложения на два состава, произведенная на логической или коммуникативной основе, была сохранена и при изучении номинативного аспекта предложения. Поэтому семантическая характеристика предложения обычно ограничивалась семантической характеристикой его составов и не распространялась на его общее номинативное значение.

Между тем само по себе заключение о разных семантических свойствах составов предложения, разумеется, справедливо. Напоминание о нем возвращает нас к вопросу о зависимости значения слова от его коммуникативной функции в высказывании. Говоря огрубленно и сводя реальную ситуацию к простейшему виду, можно было бы утверждать, что те элементы предложения, которые выполняют в нем идентифицирующую функцию, имеют денотативное значение, т. е. выступают в роли знакового заместителя предмета или понятия. Поэтому там, где это разрешено языковой нормой, они легко устранимы или замещаются прямым указанием на предмет. Идентифицирующая функция связана с денксисом. Речевое значение идентифицирующих слов можно сопоставить со значением имен соб-

⁶ A. Gardiner, *The theory of speech and language*, Oxford, 1951, стр. 258, 264.

ственных, сфера применения которых ограничена единичным предметом. Напротив, слова, играющие в предложении роль предиката (точнее, ядра предиката) остаются, несмотря на их включенность в речевую цепь, на сигнификативном уровне. Если предикат выражен существительным, то такое существительное не служит знаковым субститутутом предмета. Содержащаяся в предикате информация адекватна языковому значению соответствующего слова (сигнификату), в то время как идентифицирующие слова (прежде всего, тема сообщения), заключают в себе конкретные сведения о денотате, т. е. имеют более богатое семантическое содержание.

Транспозиция предложения связана с приобретением им идентифицирующей функции в составе другого высказывания. Нередко она вызвана тем, что номинация события превращается в тему сообщения. Номинативное значение предложения передвигается тем самым на денотативный уровень. Трансформ предложения становится знаковым заместителем факта (события). Происходит соединение пропозитивной номинации с идентифицирующей функцией. Возможность транспозиции предложений (наименований события) представляет собой одно из необходимых условий построения связной речи. Ср. *Он приехал вчера. Его приезд всех обрадовал. Радость, однако, вскоре исчезла. Ее исчезновение было вызвано неожиданным известием и т. д.*

В речи, впрочем, наблюдается и обратное явление, при котором значение слов, соответствующих теме сообщения, «поднимается» с денотативного уровня на сигнификативный. Подлежащие таких предложений, как *Вообрази, что заявил этот мошенник; Знаешь, когда явился домой наш красавец?*, идентифицируя предмет сообщения (осуществлению этой функции способствуют детерминативы), заключают в себе еще и дополнительную предикацию, удерживающую значения слов *мошенник, красавец* на сигнификативном уровне. Предложения этого типа опираются на «суппозицию» (если воспользоваться термином и понятием, получившим распространение в работах по семантике), т. е. им как бы предшествует некоторое имплицитное утверждение. Ср. *Этот человек мошенник. Знаешь, что он заявил?* → *Знаешь, что заявил этот мошенник?* Вторичная предикация этого типа может быть охарактеризована как суппозитивная.

Итак, номинативная специфика предложения и его семантических эквивалентов состоит в непердметности (абстрактности) их значения. Этот признак противопоставляет пропозитивную номинацию существительным предметного значения и образованным на их основе словосочетаниям, составляющим ядро лексической номинации. Оба типа номинации могут употребляться в речи как на денотативном, так и на сигнификативном уровне. Уровень значения слова зависит от его коммуникативной роли в высказывании: идентифицирующая функция, при которой слово выступает в качестве знакового заместителя предмета или события, предполагает обогащение семантики слова конкретными признаками денотата, предикативная функция соответствует сигнификативному (классифицирующему) значению слова.

II. Определив в общих терминах различие между лексической и пропозитивной номинацией, рассмотрим более детально процесс их взаимодействия.

В языке можно постоянно наблюдать переходы лексической номинации в номинацию пропозитивного типа и, наоборот, пропозитивная номинация легко трансформируется в номинацию лексическую.

Отношение номинации предмета к номинации события особенно ярко выявляется при образовании односоставных именных предложений, т. е. при непосредственном переходе от слова (существительного) к предложению, от статической номинации к номинации динамической.

Посмотрим, как осуществляется этот переход в русском языке. Хорошо известно, что разные семантические категории существительных обладают разной склонностью к прямому преобразованию в предложения. Наиболее естественно переходят в предложения экзистенциального типа существительные, значение которых связано с понятием времени. Ср. *Утро. Два часа пополудни. Пора созревания плодов. Время обеда.* За некоторыми словами этой семантики прочно закрепилась предикативная функция (ср. *время, пора*). Приведенные предложения обладают системой модально-временных форм, образованных при участии глагола *быть*. Ср. *Был май. Было бы утро.* Вспомогательный глагол выражает только грамматические категории времени и наклонения. В предложении *Был мороз* глагол выполняет ту же роль, что и в предложении *Было морозно*. В обоих случаях эта функция равна функции прошедшего времени изъявительного наклонения в предложении *Морозило*. Введение детерминативов (обстоятельственных слов) в подобные предложения необязательно, но возможно. Предложения этой семантики тяготеют к включению темпоральных наречий. Ср. *Сейчас утро. Тогда была зима.*

Почти столь же легко переходят в предложения существительные, означающие явления, мыслимые во временной протяженности. Ср. *Дождь. Ветер. Пожар. Суматоха. Выстрелы. Лов рыбы.* К этому разряду принадлежат существительные, обозначающие звуковые эффекты. Ср. *Свисток паровоза. Третий звонок. Пение. Гам. Звуки гитары.* При образовании модально-временных форм такие предложения более настоятельно требуют введения либо детерминативов, либо лексически неполноценного глагола. Ср. *Послышались голоса. Шел лов рыбы. В доме была суматоха, но Был дождь. Была буря. Был ветер.*

Имена действия (в особенности суффиксальные) при образовании предложений обычно «возвращаются» в свое глагольное состояние. Однако, когда предложение попадает в синтаксически зависимую позицию, они могут служить его субститутом, т. е. тоже допускают пропозитивное употребление. Ср. *Если я опоздаю* (→ *в случае моего опоздания*), *садитесь ужинать без меня*. Чистые *nomina actionis* создают номинативный эквивалент придаточных предложений. Бессуффиксальные имена действия нередко употребляются и в абсолютной позиции (т. е. в качестве независимого предложения), особенно в так называемом номинативном стиле. Ср. *Фырк, дерг, вскид руки; вновь зажим на коленях их с недоумением* (А. Белый). В аналогичной ситуации находятся и имена качества, употребление которых в абсолютной позиции связано с выявлением в них оценочного значения. Ср. *Красота. Прелесть. Ужас.*

Среди существительных с конкретно-предметным значением только разряд пространственных номинаций образует «фоновые» экзистенциальные предложения. Ср. *Ледяная пустыня. Поля и луга. Простор.* Изменение модально-временного значения этих предложений влечет за собой введение глагола *быть* в смысле «иметься, находиться, пребывать» и локального детерминатива. Ср. *Там была ледяная пустыня. Были бы здесь поля и луга.* Если вводится указательное местоимение, то экзистенциальные предложения превращаются в связочные назывные. Ср. *Это была ледяная пустыня.*

Прочие конкретно-предметные существительные создают назывные предложения, соотносительные с двучленными связочными (ср. *Молоток. Это молоток. Это был молоток*), либо получают свое коммуникативное осмысление в зависимости от ситуации речи⁷.

⁷ О возможных коммуникативных интерпретациях односоставных именных предложений в различных ситуативных условиях см.: F. M i k o, K tepplym jednoclen-

Итак, слова, обозначающие понятия, мыслимые по преимуществу в связи с пространством, при переходе в пропозитивное состояние либо требуют глагольного «привеска» со значением местонахождения, обнаруживающего себя в модально-временной парадигме предложения, либо создают назывные предложения. Напротив, существительные, обозначающие понятия, мыслимые скорее во времени, нежели пространственно, измерении, естественно и непосредственно преобразуются в предложения, претерпевая минимальные изменения в типе номинации и не требуя пополнения своего состава лексически значимыми глаголами. Семантически такие существительные близки пропозитивной номинации. Для того чтобы определить коммуникативную функцию именных предложений, образованных на их основе, обычно нет нужды ни прибегать к перифразам, ни принимать во внимание конкретные условия речевого акта⁸.

Принято говорить, что предложение и его номинативные эквиваленты обозначают события (ситуации, факты), а существительные — предметы. Это противопоставление отчасти раскрывается через противопоставление того, что происходит во времени, тому, что существует в пространстве: события определяются временными параметрами, а предметы — пространственными.

Не менее часто приходится наблюдать в большинстве языков и обратный процесс, т. е. преобразование пропозитивной номинации в номинацию лексического типа, о чем уже упоминалось выше.

Языки обычно располагают весьма разнообразными средствами транспозиции предложений, в процессе которой происходит постепенное устранение признаков предложения как коммуникативной единицы⁹. В английском языке, например, выделимы следующие ступени на пути перехода от предложения к слову: 1) устранение интонационной законченности предложения, выражающей его коммуникативную автономность; ср. *John told me (that) he was tired*; 2) устранение грамматических признаков коммуникативной автономности; ср. *John being tired we were obliged to return*; 3) устранение коммуникативной расчлененности; ср. *John's coming home was sudden*; 4) оформление связанных с глаголом элементов по типу именного словосочетания; ср. *the shooting of the lions*; 5) полная субстантивация имени действия, получающего категорию множественности; ср. *feelings, sayings, proceedings*.

Перечисленные конструкции представляют собой как бы этапы постепенного превращения предложения, обладающего, наряду с номинативным значением, еще и коммуникативными чертами — отнесенностью к де-

лým vetám, в кн.: «Jazykovedný zborník venovaný VI Slavistickému kongresu», Bratislava, 1968. О грамматических различиях между собственно бытийными и «предметными» предложениями см.: Г. А. Золотова, О взаимодействии лексики и грамматики в подклассах имен существительных, сб. «Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова», М., 1971, стр. 87—88.

⁸ Относительную независимость от ситуации значения этой категории односоставных предложений отмечает Е. Крижикова. См.: H. Křížková, Na okraj jednočlenných nominálních vět. «Československá rusistika», XV, 1970, 4, стр. 169.

⁹ Перенос на почву лингвистических исследований некоторых задач и методов современной философии и в связи с этим разработка трансформационного подхода к языку стимулировали интерес к процессам номинализации предложений, описание которых с новой точки зрения было начато известной работой Р. Либа (R. Lees, The grammar of English nominalizations, The Hague, 1966; 1 изд. — 1960). Из недавних публикаций на эту тему следует обратить внимание на книгу: Z. Vendler, Linguistics in philosophy, Cornell Univ. press, Ithaca, New York, 1967, две главы которой (5 и 6-я) посвящены механизмам номинализации. Исследование З. Вендлера, выполненное с позиций «философии обыденного языка», т. е. имеющее своей целью прежде всего выяснение языкового значения тех слов, которые послужили субстратом для философских терминов, содержит ряд чрезвычайно ценных лингвистических наблюдений.

нотату (модальностью) и коммуникативной расчлененностью, — в противопоставленную ему некоммуникативную единицу (слово). На последней ступени этого процесса пропозитивное значение перерождается в значение иного типа, которое условно было названо лексическим¹⁰.

Транспозиция предложений, как известно, послужила стимулом для создания в языке имен действия и имен качества, составляющих основные семантические категории абстрактных существительных.

Характеризуя типы синтаксической деривации, т. е. деривации, не затрагивающей лексического значения слова, Е. Курилович отметил, что имя качества «высота» («свойство быть высоким») есть результат синтаксической деривации, базирующейся на сказуемом: «быть высоким» → «высота». «Высота» («вертикальное измерение») рождается как следствие лексической деривации, состоящей в переходе от первого значения («свойство быть высоким») ко второму («размер по вертикали»). Синтаксическая деривация, исходным пунктом которой является предикатное употребление слова, составляет, по Куриловичу, первый этап образования существительных от глагола или прилагательного. Ссылаясь на идеи В. Порцига, высказанные им в 1930 г., Е. Курилович пишет: «...абстрактные существительные как бы резюмируют целое предложение, опираясь на его сказуемое. Это значит, что они основаны на синтаксической деривации сказуемого, которое может быть выражено глаголом или прилагательным»¹¹. Первичная функция абстрактных существительных, по Порцигу и Куриловичу, состоит в том, чтобы сводить предложения к словосочетаниям. Собственно переход к слову связан с отпаданием от номинативного центра актантов, которые перестают быть необходимым привеском к семантике главного члена словосочетания. Ср. *Он приехал в Москву* → *его приезд в Москву* → *приезд*¹². Таким образом, наряду со словообразованием, оцирающимся на слово, существует деривация, восходящая к транспозиции предложений, в ходе которой пропозитивное значение постепенно уступает место лексической номинации.

Попадая в разряд существительных, первичной семантической функцией которых является обозначение предметных понятий, имена качества и имена действия испытывают тенденцию к опредмечиванию своего значения. Имена действия склонны к приобретению значения результата действия, а имена качества стремятся так или иначе конкретизировать свою семантику, получая, в частности, значение носителя признака. Во многих языках, поэтому, существуют специальные способы пресечения семантической эволюции абстрактных производных, позволяющие сохранить зыбкую и легко исчезающую границу между пропозитивной и лексической номинацией. Обычно опредмечиванию значения слова препятствует сохранение именем валентностей глагола. Так, например, сохранение английскими именами действия на *-ing* объектных валентностей глагола мешает им приобретать предметные значения. Известно, что производные с этим суффиксом реже терпят лексические преобразования, чем имена действия с суффиксом *-tion*. То же можно сказать об испанском инфинитиве, сохра-

¹⁰ Существуют более сложные и не безусловные случаи преобразования предикативных единиц в простые лексические номинации, на которых здесь нет возможности останавливаться. Заметим только, что они опираются обычно на способность имен выражать специфические виды референтных отношений (ср. функцию отрицательных и неопределенных детерминантов имени). О механизмах преобразования относительных придаточных предложений в имена см.: E. V a s h, Nouns and noun phrases, в кн.: «Universals in linguistic theory», New York, 1968.

¹¹ Е. Курилович, Деривация лексическая и деривация синтаксическая в кн.: Е. Курилович, Очерки по лингвистике, М., 1962, стр. 64.

¹² См. об этом в ст.: Е. Курилович, Положение имени собственного в языке, там же, стр. 253.

няющем не только объектное управление, но и субъектные валентности глагола (ср. *tú se lo dices* и *decírselo tú*). Испанский инфинитив, в отличие от суффиксальных имен действия, почти никогда не получает конкретно-предметного значения. Кроме того, в испанском языке имеется особая форма субстантивации прилагательных с артиклем *lo* (ср. *lo malo*, *lo hermoso*). Подобные формы, в отличие от многочисленных суффиксальных имен качества, не могут получать никаких предметных значений вследствие того, что артикль *lo* не сочетается с названиями предметов.

Наблюдение над взаимодействием разных языковых категорий показывает, что между ними постоянно происходит скрещивание и пересечение, стимулирующее развитие общей структуры языка. Так, номинация события, обладающая свойством непредметности, сочетаясь с предметной синтаксической функцией, вызывает к жизни абстрактные имена.

III. Предложение, как уже отмечалось, выражает определенный тип номинации. Этот признак противопоставляет его словам и словосочетаниям конкретно-предметного значения, но объединяет со словосочетаниями, представляющими собой трансформы предложения. Характер номинации не может, следовательно, сам по себе служить основанием для противопоставления наиболее крупных классов синтаксических конструкций — словосочетаний и предложений, но он обладает синтаксической релевантностью. Так, этот признак вполне достаточен для того, чтобы воздержаться от сближения предложений и создаваемых на их основе причастных оборотов. Словосочетания *читающий книгу мальчик* и *читаемая мальчиком книга* относятся к принципиально иному классу номинативных единиц сравнительно с предложением *Мальчик читает книгу* и его номинативным эквивалентом *чтение книги мальчиком*.

Можно заметить, и это особенно важно для изучения структуры сложного предложения, что в синтаксисе различными отношения (соответственно синтаксические позиции), более или менее безразличные к номинативному типу тех единиц, которые они связывают, и другие отношения, сочетающие единицы только определенного номинативного типа. Так, например, сочинительные союзы соединяют между собой только однородные номинации. К числу связей, подходящих избирательно к типу номинативного значения, принадлежат отношения времени, условности, уступительности, причины, следствия (возможные, и некоторые другие). Эти отношения по преимуществу создают сложноподчиненные предложения. Однако придаточные предложения в них легко замещаются словами и словосочетаниями, соотносимыми с предложением по характеру номинации. Решающая роль здесь принадлежит семантической природе члена отношений, а не его оформлению. Ср. *Когда он пришел* (→ *к его приходу*), *все уже собрались*. *Несмотря на то, что мы устали* (→ *несмотря на усталость*), *мы готовы были продолжать путь*. Отношения этого типа отмечают собой границу между разными пропозитивными номинациями¹³.

Таким образом, в синтаксисе выделяемы отношения, соединяющие между собой названия событий. Семантическим субстратом подобных отношений является значение связи событий во времени, переосмысливаемое в отношении логического порядка.

Традиционно принято рассматривать придаточные предложения как результат развертывания членов простого предложения. Не менее важно помнить, что ряд синтаксических позиций, существующих в простом пред-

¹³ На невозможность употребления в ряде синтаксических позиций (именно, в функции обстоятельственных слов, или сирконстантов, по Л. Теньеру) «классических предметных существительных» обратил внимание Ю. Д. Апресян. См. его статью: «Синтаксис и семантика в синтаксическом описании», в кн.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействия», М., 1969, стр. 304—305.

ложении, «открыт» в нем только благодаря номинализации придаточных предложений. Таким образом, не только структура сложного предложения есть результат преобразований внутри простого предложения, но и структура простого предложения есть в известной степени результат преобразований внутри сложного предложения.

IV. Выделение номинативного аспекта предложения позволяет внести ясность в некоторые спорные вопросы синтаксиса.

Так, например, определение ядерной (минимальной) структуры предложения прямо зависит от того, какой аспект предложения — номинативный или коммуникативный — является объектом моделирования. Если речь идет о коммуникативной стороне предложения, то сам принцип членения не позволяет выделить в нем более двух составных частей: того, что сообщается, и того, о чем делается сообщение (в формулировке школьной грамматики). Каждый из этих членов может быть представлен в редуцированном или синтагматически развернутом виде. Номинативный подход к предложению переводит проблему его состава в семантический план. Если ситуация не членится говорящим, то номинация может быть одночленной (*Дождь. Ночь. Рассветает*). Русский язык довольствуется номинативной полной предложением, в то время как в ряде других языков (английском, французском и др.) доминирующим принципом синтаксической организации является структурная полнота предложения — его двучленность. Если ситуация обозначается расчлененно, то наряду со сказуемым появляются его дополнения, занимающие по отношению к нему разные по степени семантической необходимости положения: от прямого дополнения до обстоятельств. Различение дополнений и обстоятельств часто производится на семантическом основании: элементы, требуемые семантикой глагола, считаются дополнениями, а члены, присутствие которых не обязательно для смыслового насыщения глагола, рассматриваются как обстоятельства¹⁴. В номинативном плане минимум предложения может быть установлен как предел семантической автономности, пригодности к выполнению номинативной функции. Дополнения, с этой точки зрения, должны быть отнесены к числу главных (т. е. необходимых) членов предложения.

Лinguисты часто и давно спорят о том, следует ли резко противопоставлять подлежащее дополнениям. Если рассматривать предложение как составную номинацию события, то можно согласиться с теми лингвистами, которые не склонны придавать такому противопоставлению слишком большого значения. Напротив, при обращении к коммуникативной стороне предложения, оно приобретает первостепенную важность, поскольку за подлежащим в общем случае грамматически закреплена функция темы сообщения, а дополнения входят в состав предиката (сообщаемого) и лишены самостоятельной роли в коммуникативной структуре предложения, характеризуемой бинарностью (мы не касаемся сейчас случаев несовпадения грамматического и актуального членения предложения).

Наконец, по-разному может быть решен вопрос о границах предложения, его минимальной формуле. Т. П. Ломтев выделяет столько структурных формул предложения, сколько существует типов отношений между предикатными предметами. Предложение *Она знала его мальчиком*, например, выражает два события, участники которых связаны разными «сюжетами»: 1) «она знала его» и 2) «он был мальчиком»¹⁵. В этом предложении

¹⁴ Л. В. Щербач, О второстепенных членах предложения, в кн.: Л. В. Щербач, Избр. работы по языковедению и фонетике, I. Л., 1958, стр. 99.

¹⁵ Т. П. Ломтев, Принципы построения формулы предложения, ФН, 1969, 5, стр. 57.

в один синтагматический ряд слиты две пропозитивные номинации, обслуживаемые общим механизмом актуализации (грамматическими категориями времени и модальности). Под формулой или схемой предложения Т. П. Ломтев имеет в виду структуру номинации события (пропозицию), независимо от ее роли в коммуникации. Другие языковеды, например Н. Ю. Шведова, используют эти термины для обозначения минимальной структуры, лежащей в основе коммуникативных единиц ¹⁶.

Итак, возможность по-разному решать некоторые вопросы, относящиеся к синтагматической организации предложения, вызвана взаимодействием в ней номинативного и коммуникативного аспектов. Предпочтение одного из альтернативных решений зависит от того, какой аспект предложения принимается за его доминанту.

¹⁶ Эта точка зрения отражена в «Грамматике современного русского литературного языка», М., 1970. Ср. содержащиеся в ней определения «структурной схемы предложения» (стр. 541, 546).